

Н. Ф. ВАСИЛЬЕВА

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ОБ ИСТОРИИ ПОБЕГА С КАРЫ В 1882 г.
(По материалам «Издательства политкаторжан»)**

Мемуары и документальные материалы, опубликованные в «Издательстве политкаторжан», являются важными историческими источниками по истории Сибирской ссылки. Часть мемуаров и публикаций посвящена побегам — героическим протестам политкаторжан 80–90-х гг. XX в. История побегов — особая страница героической борьбы революционеров. Массовое бегство политкаторжан являлось своеобразной формой протеста против царской политической системы.

Наиболее красочно и подробно в мемуарах и документах освещен побег 1882 г. с Кары, опубликованный в сборнике «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги». Мемуары расположены так, что каждый из них дополняет события, описанные в предыдущих мемуарах. Бывшие политкаторжане Н. Левченко, Ф. Богданович, С. Богданов, Н.В. иташевский подробно описали побег с Кары, где они отбывали срок (*Левченко Н. Побег с Кары // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги: сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1927. С. 55–72; Богданович Ф. После побега // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги: Сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1927. С. 73–92; Богданов С. Смерть П.Г.Успенского // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги: Сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1927. С. 101–109; Виташевский Н. На Каре // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги: Сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1927. С. 110–119*).

Н. Левченко описывает события в подробной последовательности. Сначала он посвящает читателя в раздумья бывших политкаторжан: «Такие молодые силы, попавшие на каторгу, не намерены были мириться со своей участью... все стремились к тому, чтобы бежать с каторги и вернуться в Россию» (*Левченко Н. Побег с Кары ... С. 56*). Далее автор приводит веские доводы о необходимости побега: «Партия «Народная Воля» находилась в мучительной борьбе, ... она несла с каждым днем страшные потери.... Это чувствовалось тюрьмою, и она старалась ускорить побег» (*Там же. С. 58*). Автор описывает подготовку к побегу, сам побег, блуждания в тайге и, наконец, поимку беглецов. Интересны пояснения Н. Левченко о позиции революционеров по поводу нравственного ответственного бежавшего: «Тюрьма держалась того взгляда, что никого нельзя лишать права бежать из тюрьмы ... оставляя на нравственной ответственности бегущего все те последствия, которые лягут всей тяжестью на оставшихся в тюрьме» (*Там же. С. 58*).

Мемуары Н. Левченко наряду с достоинствами имеют и недостатки. Вызывает сожаление, что автор не показал немаловажные сюжеты

ты истории побега: содействие революционных организаций на воле в организации побега. У читателя возникает вопрос, откуда у беглецов карта местности, револьвер, и видимо, деньги, так как предполагалось на теплоходе добраться до Владивостока. Мемуары страдают недосказанностью и описательностью, однако это не умаляет их значение как исторического источника по истории каторги. Мемуары имеют хороший справочный аппарат. Они снабжены примечаниями участника побега М. Чернавского и послесловием М. Фроленко, где он вспоминает встречу с одним из участников побега С. Юрковским в Шлиссельбургской крепости, который дополняет картину ареста бежавших. Надо отдать должное редакции издания, которая снабдила почти каждую публикацию своими дополнениями и замечаниями. Чтобы читатель представил географию местности, где разворачивались события, редакция предложила ознакомиться со схемой карты, которая была напечатана вначале сборника. Такой «коллективный труд» украшает издание. Кроме того, мемуары сопровождаются иконографией, в тексте мемуаров помещены три фотографии беглецов: автора мемуаров, Ф. Юрковского и М. Диковского.

Мемуары Ф. Богдановича «После побега. (Из дневника политического заключенного)», восполняют картину побега с Кары в 1882 г. и события после него. Автор написал мемуары в виде дневниковых записей в Якутии, куда был сослан после выхода на поселение с Карийской каторги. Редакция сборника перепечатала перевод дневника из одного зарубежного органа, напечатанного на польском языке в 90-е гг. XIX в. Мемуары Ф. Богдановича содержат ценную информацию об истории Карийской тюрьмы. Автор красочно описывает быт тюрьмы, побег каторжан во главе с Мышкиным и казнь Неустроева. На фоне характеристики тюремщиков и их жестоких действий автор доказывает, что побег был единственным выходом невыносимого положения каторжан.

Статья С. Богданова «Смерть П.Г. Успенского» составляет семь небольших глав с предисловием и примечаниями А.В. Прибылева и редакции сборника. Некоторые главы дополняют предыдущие материалы о побеге с Кары. Когда сборник уже печатался, вышел журнал «Каторга и ссылка» со статьей М.М. Чернавского о Мышкине, где смерти П. Успенского уделено много внимания. Однако редакция сборника и А.В. Прибылев по достоинству оценили статью, указав, что в статье С. Богданова видно первое связанное изложение этой печальной драмы со стороны лица, непосредственно пережившего ее в стенах Карийской тюрьмы. Автор сам был очевидцем событий и описывает не только обстоятельства смерти П.Г. Успенского, но и попутно рассказывает о жизни 13–14 чел. в Усть-Карийской и «Новой тюрьме», куда был переведен автор и другие политические по их просьбе после подозрений в убийстве П.Г. Успенского одним из заключенных. С. Богданов описывает условия, в которые попали шесть будущих беглецов, обстановку, при которой велись подкобы для организации побега.

Автор Н. Виташевский дополнил картину смерти П.Г. Успенского и побега восьми заключенных в статье «На Каре». Глава из воспоминаний автора «На Каре» была напечатана в дореволюционном журнале «Голос Минувшего» в 1914 г. с сокращениями. Редакция сборника перепечатала статью без сокращений, о чем указала в подстрочных примечаниях. Автор рассуждает о значении побегов для политзаключенных: готовиться к побегу в то время было не только потребностью души, но и признаком хорошего тона (Речь шла о начале 1880-х гг.). Автор делит всех желающих бежать на три разряда. К первым он относит «безупречных и чистых», ко вторым недостаточно революционно настроенных, третьи являли собой «тип чистейших авантюристов, без интимного отношения к идее революции». С водворения на Каре, подчеркивает автор, дифференциация среди заключенных подвигалась все дальше и дальше, углубляя разобщенность между отдельными группами. В конце концов, по мнению автора, образовалось две большие группы, на которые разделились обитатели Кары: «заинтересованные» и «не заинтересованные», подразумевается в организации побега из тюрьмы. Н. Виташевский уточнил, что мастерские, откуда был совершен побег, находились вне тюремной ограды, а не внутри ее. Видимо свои воспоминания Н. Виташевский писал после того, как познакомился с воспоминаниями предыдущих авторов. Такая манера составления сборника была вызвана необходимостью представить на суд читателей коллективный труд, где каждый автор несет ответственность не только за свои воспоминания, но и за воспоминания своих товарищей.

Подборка документального материала о побеге, помещенные в издание, имели цель подтвердить события, описанные мемуаристами (Якимова А. *Документы о побеге с Кары // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги: Сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1927. С. 92–100; Плесков В. Из недр архива // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги: Сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1927. С. 183–211*).

Бывшие политкаторжане А. Якимова и В. Плесков дополнили картину побега 1882 г. Они дословно приводят документальные источники губернаторского архива, оставшиеся в Краевом музее Географического общества после отступления армии Семенова, которые ей удалось выявить в Читинском архиве. А. Якимова и В. Плесков приводят «очень интересные документы», объединенные общей тематикой: записку следователя об обстоятельствах побега с Карийской тюрьмы 8 государственных преступников; заявление Мышкина от лица 54 чел., голодающих 8-е сутки; документы о покушении на военного губернатора Забайкальской области Ильяшевича, которое явилось возмездием со стороны Марии Кутитонской за репрессии к заключенным после побега; телеграммы иркутскому генерал-губернатору, министру внутренних дел и царю о побеге, письмо майора Потулова военному губернатору Забайкальской области о побеге «8-ми карийцев» и др.

Несмотря на некоторые видовые погрешности мемуаров, они являются «важными свидетелями прошлого». Авторы мемуаров, стремясь увлечь читателя, приковывают внимание к опасностям, трудностям и препятствиям, которыми сопровождался побег. Зачастую увлекаясь только «техникой» побегов, мемуаристы не рассматривают другие немаловажные проблемы, например, содействие побегам партийных организаций на воле, которые увеличивали шансы бежавших революционеров, местного населения и др. Радикально настроенная часть революционеров народнического движения, как правило, описывает побег с определенной долей идеализации этой формы протеста. Надо отметить, эта группа источников содержит один важный компонент: личные переживания участников событий. Авторы рассуждают об этической стороне побегов: о решении побега и возможных последствиях для оставшихся товарищей. Архивные документы представляют читателю «внутреннюю жизнь» тюремной администрации, которая всегда была для политических репрессированных за семью печатями, реакцию царской администрации на сопротивление революционеров. Документальный материал также является важным подспорьем для современных исследователей ссыльной тематики. Они востребованы и потому, что часть архива Нерчинской каторги утеряна при переводе в Москву из Читы.

И.А. ГУСЕВА

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Постсоветский период открывается с начала 1990-х гг. и характеризуется сменой идеологической ориентации, отказом от идеологизации и политизации исторической науки. В российской исторической науке стали утверждаться иные методологические подходы, наблюдалось стремление преодолеть упрощенное представление об экономических и политических процессах, трактовавшихся ранее с позиций радикального экономического детерминизма. В трудах ведущих российских ученых-обществоведов зазвучала мысль о необходимости обобщения и осмысления «огромного эмпирического материала, раскрывающего влияние социокультурных, национальных и религиозных факторов на характер и тенденции экономического развития российского общества» и содержалось признание в том, что «пока еще много необъяснимого с позиций рационализма, отвергающего с порога все, что не поддается строгой детерминации и логическому объяснению» (*Абалкин Л.И. Против односторонности, за целостное видение социально-экономических процессов // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 5*).

Как отмечается, в современных трудах, посвященных русско-монгольским отношениям, «выход на политическую арену новых демокра-